

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

ПРОДУКТИВНОСТЬ И УПОТРЕБИТЕЛЬНОСТЬ МОРФЕМ ПО ДАННЫМ "ЛАТИНСКОГО СЛОВАРЯ МОРФЕМНОГО ЧЛЕНЕНИЯ"

© 2002 В.Т. Титов, А.А. Кретов, М.Ф. Дашкова

Воронежский государственный университет

Идея проекта качественного и количественного исследования морфемария латинского языка принадлежит к.ф.н., доц. В.Т. Титову и проф. д.ф.н. А.А. Кретову¹. Цель его состоит в получении количественных параметров латинских морфем. Прототипом создаваемого словаря является "Словарь морфем русского языка" [5]. Аналога этому словарю в латинской лексикографии, из которого можно было бы почерпнуть необходимую информацию о номенклатуре и количественными параметрами латинских морфем нам не известно. Отсутствие источника такой информации и стало причиной создания временным научным коллективом факультета РГФ ВГУ в составе к.ф.н., доц. В.Т. Титова, д.ф.н., проф. А.А. Кретова, к.ф.н., доц. М.Ф. Дашковой, к.ф.н. О.В. Абакумовой, к.ф.н. И.А. Меркуловой² "ЛАТИНСКОГО СЛОВАРЯ МОРФЕМНОГО ЧЛЕНЕНИЯ".

В качестве источника для него был избран малый двуязычный латинско-русский словарь [8]. Этот словарь содержит ядро латинского словаря и является наиболее современным из имеющихся латинско-русских словарей такого объёма.

Морфемное членение осуществлено доцентом кафедры романских языков ВГУ к.ф.н., доц.

М.Ф. Дашковой при участии преподавателя той же кафедры, к.ф.н. О.В. Абакумовой. Принципы морфемного представления разработаны В.Т. Титовым и А.А. Кретовым. Они состоят в учёте принципа этимологической коррекции (Т.Л. Ляхнович, Г.П. Мельников) и максимальной глубины морфемного членения. При этом этимология слова рассматривается как глубинная форма слова. При проведении морфемного членения слов учитывались данные важнейших исследований по исторической фонетике, морфологии и лексикологии латинского языка [Линдсей 1948; Нидерман 1949, Эрну 1950; Тронский 1960; Дворецкий 1976; Эрну-Мейе 1979].

Создание электронной версии словаря осуществлено под руководством директора НМЦ по Компьютерной лингвистике проф., д.ф.н. А.А. Кретова методистом НМЦ по Компьютерной лингвистике к.ф.н. И.А. Меркуловой.

Цель данной статьи состоит в ознакомлении научной общественности с самыми предварительными, так сказать, "черновыми" результатами проекта, которые, в свою очередь, могут дать материал для обнаружения и исправления неизбежных в ходе такой большой и серьёзной работы ошибок и создания следующей - более совершенной версии словаря.

Рассмотрение полученных результатов начнём с общей характеристики латинского морфемария. При этом единицей подсчёта по необходимости будет являться морф, ибо сведение морфов в морфемы составляет отдельную и, во всяком случае, не менее трудоёмкую задачу, чем морфемное членение словаря.

Общая количественная характеристика латинского морфемария представлена в таблице 1.

¹ В.Т. Титов, А.А. Кретов. Принципы исследования романской радиологии // Актуальные проблемы языкознания и методики обучения иностранным языкам: Материалы международной научной конференции. – Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2000, С.201-203.

² Пользуясь случаем, авторы выражают свою глубокую благодарность О.В. Абакумовой за участие в работе по морфемному членению латинских слов, а И.А. Меркуловой – за создание электронной версии "Латинского словаря морфемного членения".

Табл. 1.

	ПРЕФИКСЫ	КОРНИ	СУФФИКСЫ	ФЛЕКСИИ	ВСЕГО
РАЗНЫХ МОРФОВ	88	3072	235	13	3408
ВХОЖДЕНИЙ	4036	11921	8912	8866	33735
СРЕДНЕЕ	45,86	3,88	37,92	91,4	9,9

Зная количество слов в словаре (около 13.000), мы можем получить некоторые интересные характеристики латинского языка. В частности, мы можем вычислить M/W - "индекс синтетичности" по Дж. Гринбергу [2, 74]. Так, например, "индекс синтетичности" (среднее количество морфем в слове) для латинского словаря будет равен общему количеству вхождений морфов, делённому на количество слов в словаре: $M=33735 : 13000 = 2,6$. Как видим, среднее количество морфем в латинском словарном слове больше двух, но меньше трёх. Почти два с половиной, но ближе к трём, чем к двум. Этот коэффициент Дж. Гринбергом не приводился, зато мы можем сравнить его с индексом синтетичности для санскрита, приводимого Дж. Гринбергом. Близость значений поразительная: Санскрит – 2, 59 [2, 91], латинский 2,6. При этом если для санскрита индекс вычислен по тексту длиной в 100 слов, что заставляет самого автора говорить о необходимости "подкрепить" его результаты "дальнейшими подсчётами" [2, 93], то репрезентативность данных, по которым вычислен "индекс синтетичности" для латинского языка, вряд ли нуждается в "подкреплении". Единственное отличие состоит в том, что словарь – это вторичный и в этом смысле специфический текст, в отличие от первичных текстов, на основании которых он в конечном итоге и составлен.

На оси синтетические – полисинтетические языки относительно малая средняя длина слова косвенным образом свидетельствует о богатой и сильно развитой морфологической системе языка. Уместно предположить и существование противоположной закономерности: языки с большой средней длиной слова (т.е. полисинтетические языки) обладают бедной морфологией. Таким образом, мера сложности морфологии данного языка (C_{morph}) может быть вычислена по формуле: $C_{morph} = 1 : Lw_m$, где Lw_m - средняя длина слова в морфемах (M/W – "индекс синтетичности"). Для латинского языка C_{morph} (назовём эту величину "индексом морфологичности") $= 1 : 2,6 = 0,385$.

Рассмотрим состав корней латинского языка. Наибольший интерес представляет структура латинского корня и возможности её формального анализа. Понятие структуры включает в себя не только качественные, но и количественные параметры. Первым таким параметром является нормальная (оптимальная) длина латинского корня. Естественно, что этот параметр следует искать среди наиболее употребительных слов, а не среди редких.

Начнем с выявления статистической структуры латинского радикария. Она представлена ниже в таблице X.

Таблица X.

СТАТИСТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ЛАТИНСКОГО РАДИКАРИЯ

ПРОДУКТ.	КРН	СЛВ	КРН-КУМ.	СЛВ-КУМ.	КРН-ОТН	СЛВ-ОТН	К-ОТН КУМ.	С-ОТН КУМ.
169	1	169	1	169	0,0003	0,0142	0,0003	0,0142
78	1	78	2	247	0,0003	0,0065	0,0007	0,0207
75	2	150	4	397	0,0007	0,0126	0,0013	0,0333
69	1	69	5	466	0,0003	0,0058	0,0016	0,0391
58	1	58	6	524	0,0003	0,0049	0,0020	0,0440
55	1	55	7	579	0,0003	0,0046	0,0023	0,0486
53	1	53	8	632	0,0003	0,0044	0,0026	0,0530
51	1	51	9	683	0,0003	0,0043	0,0029	0,0573
49	1	49	10	732	0,0003	0,0041	0,0033	0,0614
48	2	96	12	828	0,0007	0,0081	0,0039	0,0695
46	1	46	13	874	0,0003	0,0039	0,0042	0,0733
43	1	43	14	917	0,0003	0,0036	0,0046	0,0769

ПРОДУКТИВНОСТЬ И УПОТРЕБИТЕЛЬНОСТЬ МОРФЕМ...

42	1	42	15	959	0,0003	0,0035	0,0049	0,0804
41	1	41	16	1000	0,0003	0,0034	0,0052	0,0839
40	1	40	17	1040	0,0003	0,0034	0,0055	0,0872
39	3	117	20	1157	0,0010	0,0098	0,0065	0,0971
38	3	114	23	1271	0,0010	0,0096	0,0075	0,1066
37	2	74	25	1345	0,0007	0,0062	0,0081	0,1128
36	1	36	26	1381	0,0003	0,0030	0,0085	0,1158
35	3	105	29	1486	0,0010	0,0088	0,0094	0,1247
34	3	102	32	1588	0,0010	0,0086	0,0104	0,1332
32	1	32	33	1620	0,0003	0,0027	0,0107	0,1359
31	4	124	37	1744	0,0013	0,0104	0,0120	0,1463
30	2	60	39	1804	0,0007	0,0050	0,0127	0,1513
29	1	29	40	1833	0,0003	0,0024	0,0130	0,1538
28	1	28	41	1861	0,0003	0,0023	0,0133	0,1561
27	8	216	49	2077	0,0026	0,0181	0,0160	0,1742
26	4	104	53	2181	0,0013	0,0087	0,0173	0,1830
25	6	150	59	2331	0,0020	0,0126	0,0192	0,1955
24	4	96	63	2427	0,0013	0,0081	0,0205	0,2036
23	7	161	70	2588	0,0023	0,0135	0,0228	0,2171
22	2	44	72	2632	0,0007	0,0037	0,0234	0,2208
21	7	147	79	2779	0,0023	0,0123	0,0257	0,2331
20	5	100	84	2879	0,0016	0,0084	0,0273	0,2415
19	8	152	92	3031	0,0026	0,0128	0,0299	0,2543
18	10	180	102	3211	0,0033	0,0151	0,0332	0,2694
17	13	221	115	3432	0,0042	0,0185	0,0374	0,2879
16	19	304	134	3736	0,0062	0,0255	0,0436	0,3134
15	15	225	149	3961	0,0049	0,0189	0,0485	0,3323
14	19	266	168	4227	0,0062	0,0223	0,0547	0,3546
13	16	208	184	4435	0,0052	0,0174	0,0599	0,3720
12	36	432	220	4867	0,0117	0,0362	0,0716	0,4083
11	32	352	252	5219	0,0104	0,0295	0,0820	0,4378
10	26	260	278	5479	0,0085	0,0218	0,0905	0,4596
9	48	432	326	5911	0,0156	0,0362	0,1061	0,4958
8	51	408	377	6319	0,0166	0,0342	0,1227	0,5301
7	57	399	434	6718	0,0186	0,0335	0,1413	0,5635
6	94	564	528	7282	0,0306	0,0473	0,1719	0,6109
5	111	555	639	7837	0,0361	0,0466	0,2080	0,6574
4	179	716	818	8553	0,0583	0,0601	0,2663	0,7175
3	294	882	1112	9435	0,0957	0,0740	0,3620	0,7915
2	526	1052	1638	10487	0,1712	0,0882	0,5332	0,8797
1	1434	1434	3072	11921	0,4668	0,1203	1,0000	1,0000

Количество слов в таблице - около 12.000, т.е. на 1000 меньше, чем заявлено в словаре. Это связано с тем, что в словаре имеются статьи, содержащие имена собственные, отсылки к другим словарным статьям, а также отсылки отдельных словоформ к леммам (словарным формам). Эти типы словарных статей были исклю-

чены из словника словаря морфемного членения.

Статистическая структура радикария весьма информативна, но плохо воспринимается, так сказать, "невооруженным глазом". Наглядное представление о статистической структуре словаря дает Рис. X

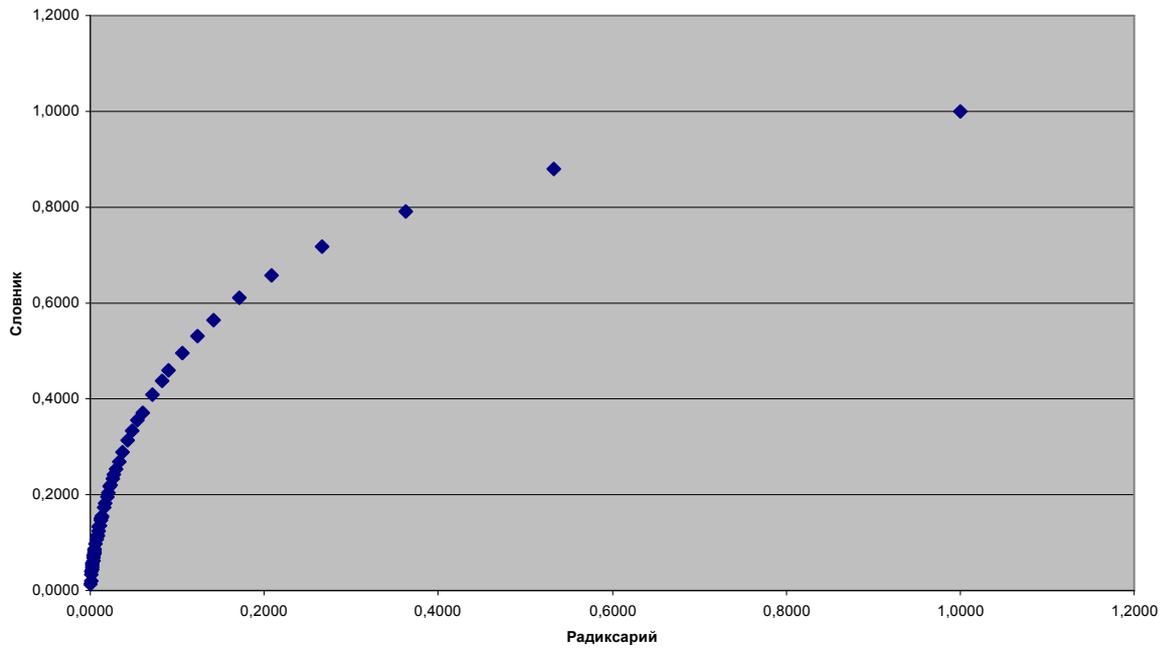

Рис. X.

Соотношение словника и радиксария в "Латинском словаре морфемного членения".

На рис. X хорошо видно, что прирост словника идет значительно быстрее, чем прирост радиксария. Это значит, что в языке есть малое количество продуктивных корней и большое количество непродуктивных. Так, например, 17% корней покрывают более 60% словника, а 40% словника покрывается всего 7% радиксария. Знание того, какие именно корни обладают такими замечательными свойствами, имеет огромное практическое значение. И выделение

корпуса таких корней следует, видимо, признать серьезным научным результатом.

Для большей наглядности рассмотрим статистическую структуру ядер. Методику и теоретическое обоснование процедуры см. в [Кретов 1993].

Статистическая структура ядер латинского радиксария представлена ниже.

СТАТИСТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ЯДЕР ЛАТИНСКОГО РАДИКСАРИЯ

ЯДРА	К-КУМ.	С-КУМ.	К-ОТН КУМ.	С-ОТН КУМ.	ПОКРЫТИЕ РАДИКСАРИЯ	ПОКРЫТИЕ СЛОВНИКА	ПРОДУК- ТИВНОСТЬ
6-ЯДРО	1	169	0,0003	0,0142	0,03%	1,42%	169,0
5-ЯДРО	7	579	0,0023	0,0486	0,23%	4,86%	82,7
4-ЯДРО	26	1381	0,0085	0,1158	0,85%	11,58%	53,1
3-ЯДРО	79	2779	0,0257	0,2331	2,57%	23,31%	35,2
М-ЯДРО	252	5219	0,0820	0,4378	8,20%	43,78%	20,7
Б-ЯДРО	818	8553	0,2663	0,7175	26,63%	71,75%	10,4
СЛОВАРЬ	3072	11921	1,0000	1,0000	100,00%	100,00%	3,9

Главными параметрами таблицы являются покрытие радиксария и покрытие словника. Знакомство с данными вышеприведенной таблицы свидетельствует о способности малого числа наиболее продуктивных корней покрывать значительное количество словника.

Так, при помощи 818 наиболее продуктивных корней можно образовать более 8500

слов, при помощи 252 корней – более 5200 слов, а при помощи 79 корней – около 2800.

Но едва ли не самым удивительным свойством полученных ядер оказывается их соразмерность: отношение между большим и меньшим ядром стремится стать величиной постоянной, близкой к 3,2. Это свойство ядер наглядно представлено на рис. XX (см. ниже).

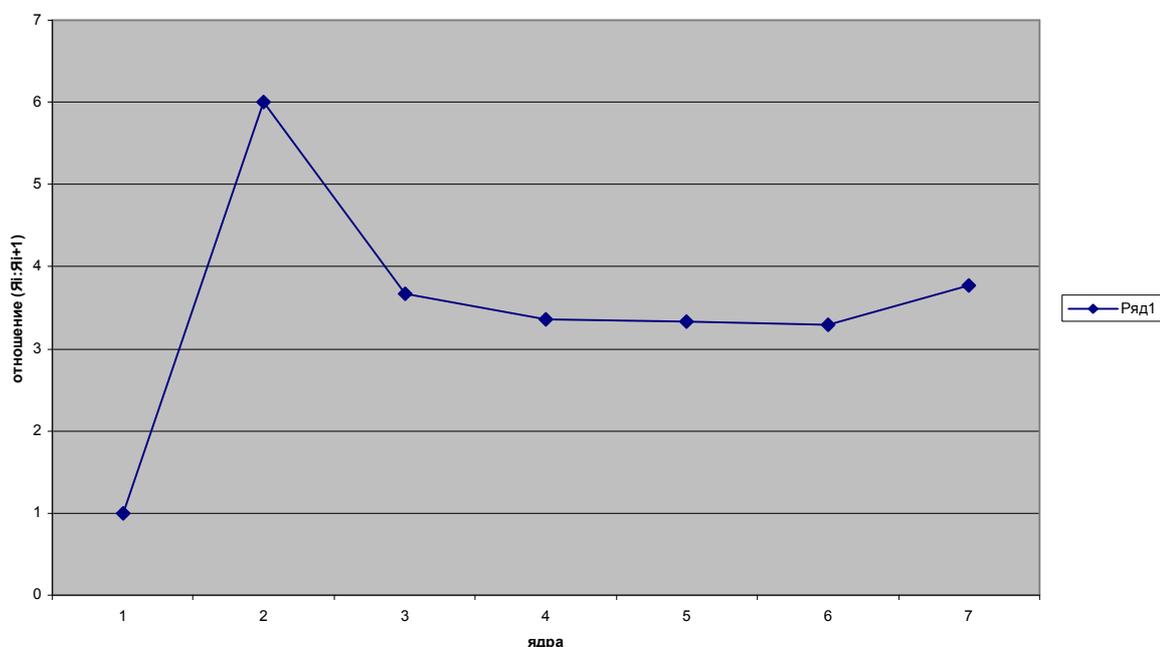

Рис. XX. Отношение величин ядер продуктивности латинских корней

Теперь определим типичную длину латинского корня в фонемах. Для этого учтём отдельно данные для всего словаря, большого

ядра, малого ядра и микроядра (ядра малого ядра).

Таблица Y. Зависимость длины латинского корня от продуктивности.

Длина	микроядро	малое ядро	большое ядро	словарь
1 фонема	9	13	17	20
2 фонемы	11	36	83	121
3 фонемы	44	119	287	578
4 фонемы	13	65	279	862
5 фонем	2	17	104	663
6 фонем		2	37	473
7 фонем			10	200
8 фонем			1	102
9 фонем				36
10 фонем				11
11 фонем				5
12 фонем				1
ВСЕГО	79	252	818	3072

Для обеспечения соотносимости данных необходимо выразить их в относительных величинах, а для наглядности – представить в гра-

фической форме. Соответствующая информация в наглядном виде и представлена на рис. XXX (см. ниже).

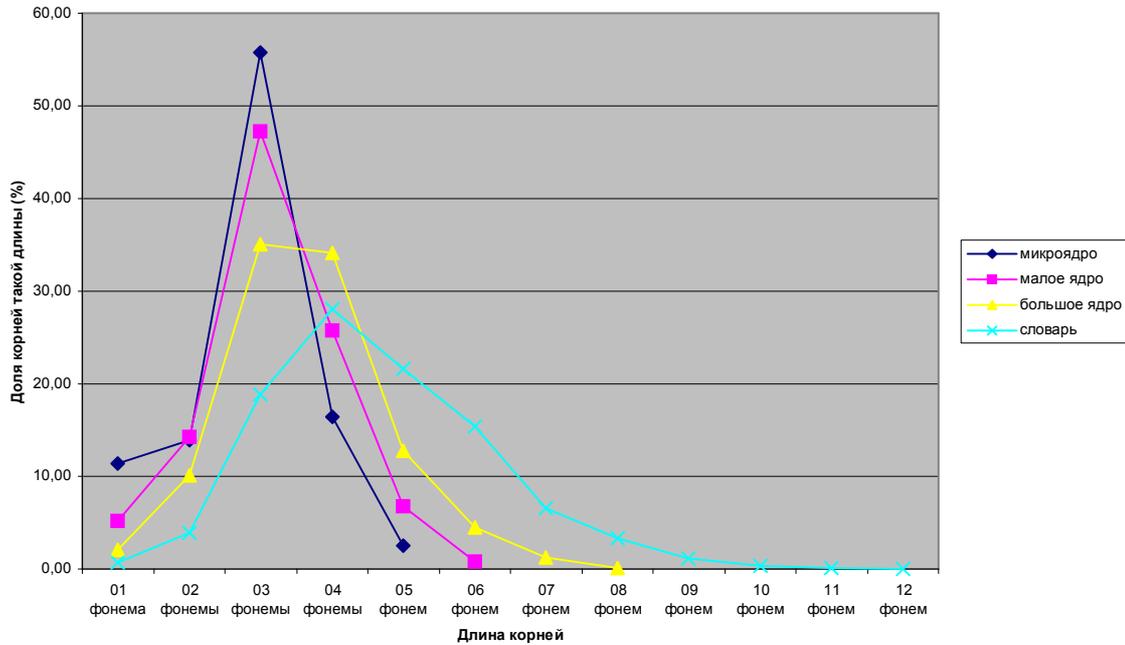

Рис. XXX. Влияние продуктивности на длину латинского корня.

Приведённая выше таблица наглядно показывает, что чем выше продуктивность, тем с большей очевидностью проявляется нормативность трёхфонемного корня в латинском языке, отражающая хорошую сохранность модели праиндоевропейского корня. Одновременно полученные данные могут рассматриваться и как дополнительное подтверждение реалистичности модели ПИЕ-корня, предложенной Э. Бенвенистом [1]. Непродуктивные корни (по преимуществу, заимствованные) размывают общую картину и сдвигают пик в сторону четырёхфонемных корней. Но фильтрация по продуктивности уже в большом ядре всё ставит по местам и показывает, что, в первую очередь, трёх- и - во вторую - четырёхфонемные корни являются нормой для латинского языка. Эти данные в полной мере отвечают структуре индоевропейского корня, выявленной ещё Фердинандом де Соссюром [9] и затем, осмысленной и интерпретированной Э. Бенвенистом.

Микроядро (ядро малого ядра) наиболее продуктивных латинских корней (без учета омонимии) имеет следующий состав. Выборочная проверка показывает, что приведенные вы-

ше предварительные данные о продуктивности корней надо рассматривать не буквально, а скорее как своего рода веса, позволяющие установить иерархию корне по продуктивности. Поэтому порядок следования корневых морфов значим: они даются в порядке убывания весов продуктивности: *I; E; FER; FAC; MITT; VEN; REG; DUC; DIC; LEG; SED; CED; PER; SCRIB; VERT; DA; CAP; JAC; SER; QUE; TEND; AG; VEH; TRAH; FUG; PAR; ALI; PET; CURR; NE; EM; CRE; HAB; POS; RAP; SPEC; LAT; US; SI; FIG; MAN; MIN; MOD; SAL; PEND; SEQU; DI; COL; SON; TERR; LU; RU; FLU; STA; TEN; VIS; GES; GRAD; FU; VI; CID; FEC; SCI; QUAM; VIC; VERS; FUD; GEN; LUD; MOV; SERV; CLAUD.*

Среди наиболее продуктивных суффиксов довольно отчётливо различаются по количественным параметрам однофонемные формообразующие суффиксы (T; A; U; I; E; S) и собственно словообразовательные суффиксы: ION; OR; IC; ITAT; UL; ARI; AL; IT; OS; SC; IN; ID; ENT; BIL; IL; NT; UR; MENT; ITER; AN и др. Ср. Рис. XXX.

Продуктивность латинских суффиксов по данным малого словаря

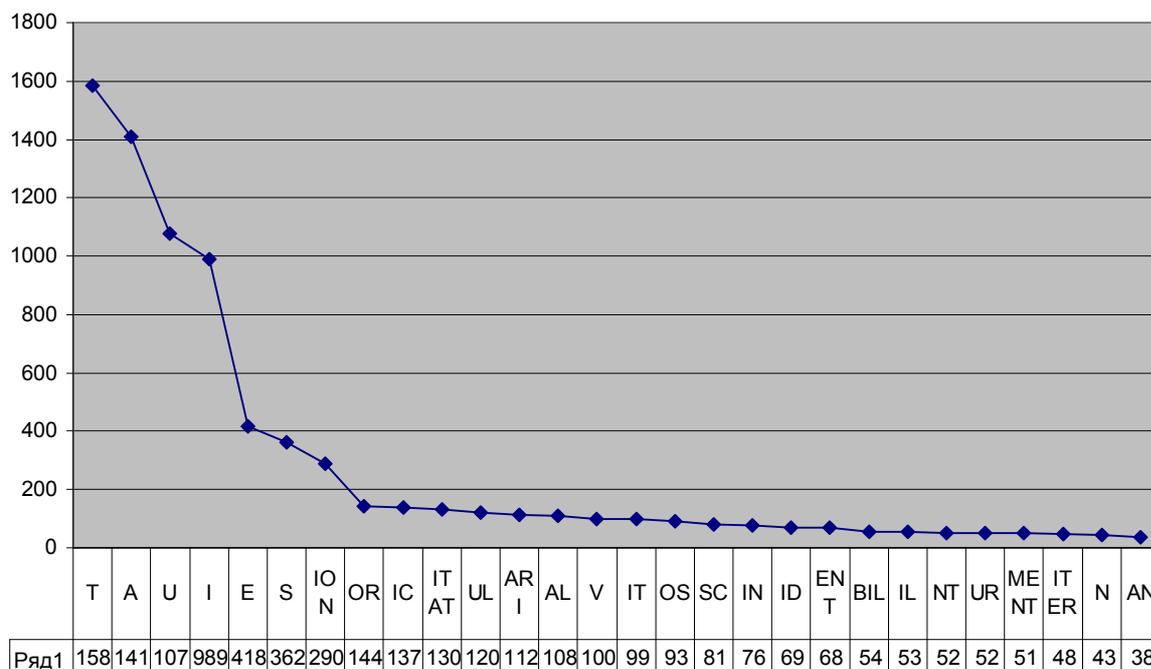

Рис. XX

X. Продуктивность латинских суффиксов по данным малого словаря.

Данные об относительной продуктивности латинских префиксов (префиксальных морфов) также представляют несомненный научный ин-

терес. Они представлены в Рис. XXXX. (см. ниже).

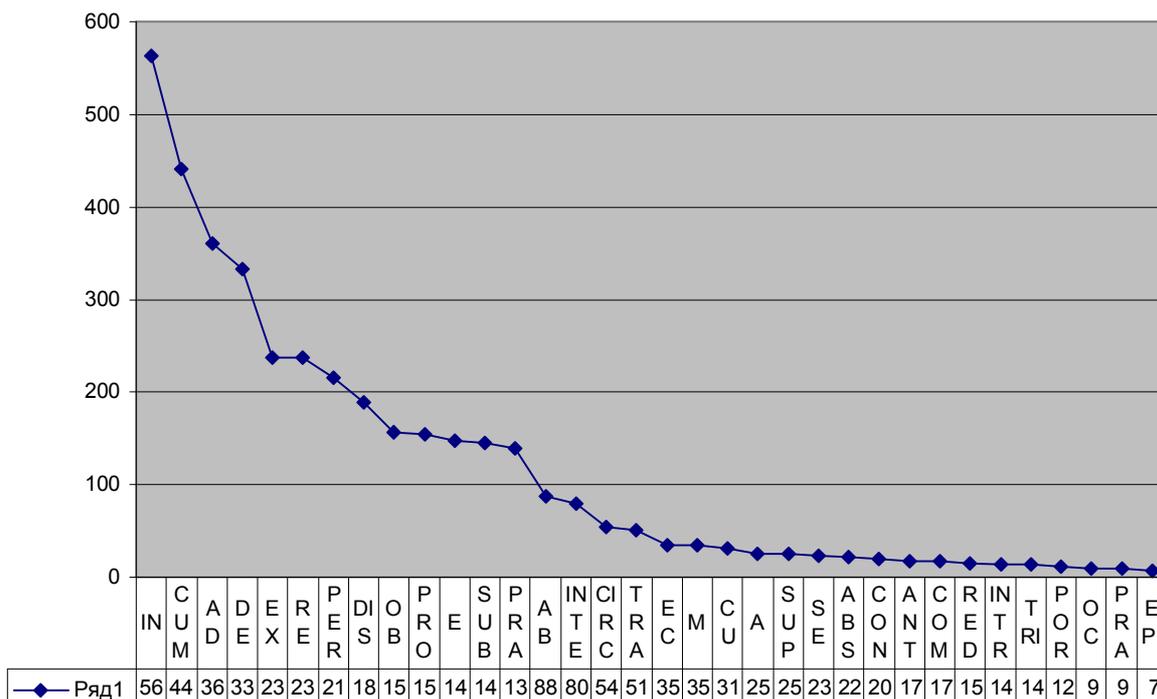

Рис.

XXXX. Продуктивность латинских приставок по малому словарю.

К числу наиболее продуктивных латинских приставок относятся следующие: IN; CUM;

AD; DE; EX; RE; PER; DIS; OB; PRO; E; SUB; PRAE; AB; INTER; CIRCUM; TRANS и др..

Количественные данные о латинских флексиях в словаре представляют меньший интерес, поскольку отражают не всё флективное богатство языка, а только флексии словарных форм. В связи с этим нет необходимости приводить соответствующие данные по флексиям от-

дельно, но зато целесообразно сопоставить количественные данные по всем четырём типам морфем: корням, суффиксам, префиксам и флексиям.

Эти данные см. на рис. X.

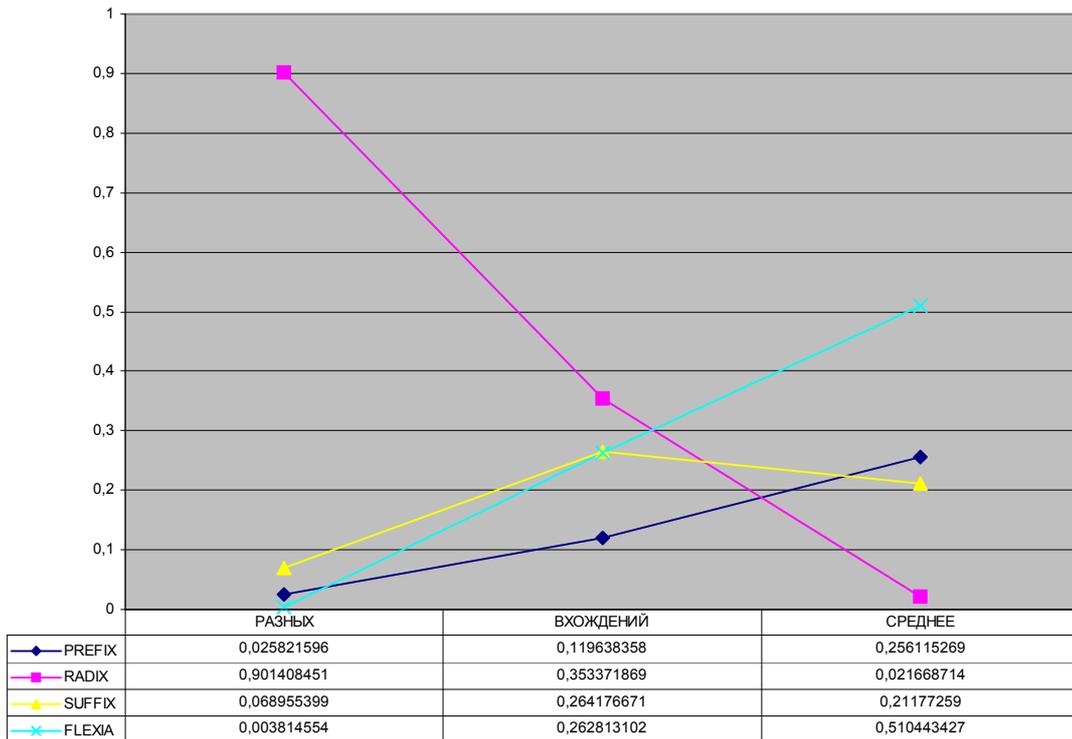

Рис. X.

Количественные показатели латинских морфем в малом словаре.

При взгляде на Рис. X, легко заметить ярко выраженную противопоставленность корней и окончаний. Корней много, но их средняя представленность в словаре крайне низка. Флексий мало, но их средняя представленность в словаре чрезвычайно высока. Промежуточное положение между этими двумя полюсами занимают аффиксы: префиксы и суффиксы. Их почти так

же мало, как и флексий, но по средней представленности в словаре они занимают положение, промежуточное между корнями – эталонными представителями лексики и флексиями – эталонными представителями грамматики. При этом по средней представленности в словаре аффиксы оказываются несколько ближе к корням. Ср. Табл. 2.

Табл. 2

	Префиксы	Суффиксы
расстояние до флексии	0,254328	0,298671
расстояние до корня	-0,23445	-0,1901

При этом показательно, что по средней представленности в словаре префиксы оказываются ближе к флексиям, а суффиксы – ближе к корням.

Этим формальным показателям можно дать полноценное содержательное объяснение. В целом префиксы оказываются более грамматичными, чем суффиксы, а суффиксы – более лексичными, чем приставки. При этом наши выводы опираются на объективные данные словаря.

Самое же обнадеживающее обстоятельство состоит в том, что совокупную степень лексичности-грамматичности морфем мы можем выразить числом и можем оценить количественно. Значение такой возможности для построения недискретной лингвистики в эпоху цифровых технологий вряд ли можно переоценить.

Подводя самые предварительные итоги анализа количественные характеристик латинских морфем по данным “Латинского словаря морфемного членения”, можно отметить их высо-

кую информативность. Перспективность данного исследования связана с теми богатыми возможностями, которые открывают перед лингвистами, и в частности, перед исследователями морфемики латинского языка, новые информационные технологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бенвенист, Э. Индоевропейское именное словообразование /Перев. с франц. - М., 1955.
2. Гринберг, Дж. Квантитативный подход к морфологической типологии языков // Новое в лингвистике. Вып. III. - М., 1963, С. 60-94.
3. Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. - М., 1976.
4. Кретов А.А. О частотном ядре лексики и статистической структуре текста // *Linguistica Silesiana* Vol. 15. - Warszawa: Wyd. Energeia, 1993, с. 53-68.
5. Кузнецова А.И., Ефремова Т.Ф. Словарь морфем русского языка. - М., 1986.
6. Линдсей В.М. Краткая историческая грамматика латинского языка. - М., 1948.
7. Нидерман М., Историческая фонетика латинского языка. - М., 1949.
8. Подосинов А.В., Козлова Г.Г., Гаухов А.А. Латинско-русский словарь. Ок. 13.000 слов. - М.: Флинта, Наука, 1998.
9. Соссюр, Ф де. Мемуар о первоначальной системе гласных в индоевропейских языках (1879) // Соссюр, Ф де. Труды по языкознанию /Под ред. А.А. Холодовича. - М.: Прогресс, 1977, С.302-562.
10. Тронский И.М. Историческая грамматика латинского языка. - М.-Л., 1953.
11. Эрну А. Историческая морфология латинского языка. - М., 1950.
12. Эрну-Мейе 1979: Ernout A., Meillet A. Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots. Quatrième édition troisième tirage. Augmenté d'additions et de corrections nouvelles par Jaques André. Paris: editions Klincksieck, 1979. – 830 p.

НУЖНА ЛИ НАМ ЛИНГВОЭКОЛОГИЯ?

© 2002 Ю.А. Сорокин

Институт языкознания РАН

1. На первый взгляд существование такой “стыковой” дисциплины вряд ли оказывается оправданным, ибо, например, и стилистика (совокупно с культурой речи и теорией языковых / речевых ошибок), и лексикография, и социолингвистика отслеживают и фиксируют отклонения / деформации (деструктемы), возникающие в процессе межличностного и текстового общения и оцениваемые как нежелательные в этом процессе. Оправданность существования лингвоэкологии зависит также от того, как квалифицировать язык / речь – в качестве природного (натурального) или неприродного (изобретенного) образования: во втором случае контроль за “изобретением” вполне обоснован и оправдан, в первом – он вряд ли возможен и необходим, ибо языку / речи как организму нельзя навязать тот цикл развития, который не исходит из его телеологических установок. Во втором случае лингвоэкология не только необходима, но и неизбежна, в первом – нежелательна: “врачу исцелился сам”. Возможен также и компромиссный подход: язык / речь есть природно-неприродное / гибридное образование, совмещающее в себе признаки, возникшие в результате взаимодействия ГЕННЫХ и МЕМНЫХ “механизмов”. Сбои / смещения в их работе являются таковыми лишь с посторонней (человеческой) точки зрения (с точки зрения наблюдателя), а на самом деле они являются бифуркативами, а, точнее говоря, их симптомами, указывающими на возможные апробируемые пути развития языкового / речевого мультиобразования. Говоря иначе, эти симптомы есть не что иное, как знаки латентных пространств разногласия, оппозиций, обеспечивающих “...дополнительное развитие поля высказываний...” [11, 155] и его реорганизацию.

2. Лингвоэкология, несомненно, является одним из существенных компонентов того, что П. Серио называет глобальной экологией, но ее, лингвоэкологии, задачи весьма специфичны: для нее важны деструктемы и номогенетического, и оргогенетического характера, так как она имеет дело с объектом, в котором неравновесное напряжение (В.И. Вернадский) сочетается с равновесным напряжением. Иными словами, это такой объект, в котором организованность сочетается с хаотичностью (энтропий-

ностью), а спонтанная самодостаточность – с имплантируемыми в него посторонними поправками (например, орфографическими реформами, пытающимися заменить вживленное / прижившееся с возможно несовместимым) и фокусировкой внимания на отдельных фрагментах тела языка / речи, представляющихся наиболее конститутивными (таков, например, “Русский словарь...” А.И. Солженицына [10].

3. Наряду с такого рода словарем диагностирующее значение для лингвоэкологии имеют и другого рода материалы, свидетельствующие о колективно-групповых тактиках игры с языковыми / речевыми фактами. К их числу относится, например, словарь “Сленга хиппи” [9] или “Обратный деривационный словарь русских новообразований” [6], свидетельствующие и о когнитивных сдвигах в сознании носителей языка / речи, “ибо когнитивные процессы первоначально развиваются независимо от коммуникации. Язык имеет как бы двойное существование: во-первых, в звуковой и письменной речи и, во-вторых, в мышлении. Поэтому результаты когнитивных процессов могут оказывать на речь исключительно сильное влияние” [5]. Такого рода сдвиги, опредмеченные в языковой / речевой материи, несомненно, носят аномический (по Э. Дюркгейму) и, тем самым, творческий, а не номический характер (см. в связи с этим [3, 161-190]). На мой взгляд, вещь, входящая в символический универсум в той же степени “...внемысленна, но мыслима, невоспринимабельна, но воспринимаема, внеосязательна, но осязательна” [7, 182], как и внесимволическая вещь, причем “...мышление, восприятие, ощущение, чувствование и т.д. вещей только и возможно при помощи их имен, через эти имена” [7, 183]. По мнению А.Ф. Лосева, важен также и тот факт, что то понимание, которым оно в основе своей является, в свою очередь, кем-то должно быть понято, кем-то должно быть немедленно переведено из потенции в энергию. Это может сделать сама вещь, которая носит данное имя; это может сделать и то, что окружает данную вещь и стремится общаться с нею. Важно только, чтобы было это новое понимание и наличие нового субъекта. Поэтому имя есть не просто понимание, но понимание понимания [7, 199].

Иными словами, аномическое имя является знаком понимания когнитивного сдвига, его интерпретационной / вербальной рамки, позволяющей “внутреннему пониманию” (эндопониманию) стать доступным и пониманию извне (экзопониманию).

Анализируя соотношение понятий экзофрастии (образование содержания) и эндофрастии (образование формы), предложенное Г. Гийомом, Е.А. Реферовская считает, что “эндофрастия наличествует там, где образование формы слова требует предварительного представления о будущей фразе; экзофрастия – там, где слово для получения своей окончательной формы не нуждается в опоре на фразу, а вырисовывается полностью в сознании как абстракция, не связанная с предвосхищением будущей речи, то есть оно находится в языковом сознании до начала собственной речевой деятельности” [8].

На мой взгляд, этим двум понятиям можно дать и несколько иное – более широкое – истолкование. Экзофрастия – это не что иное, как любой аномический / инновационный когнитивно-когнитивный сдвиг в сознании носителя / носителей языка, а эндофрастия – его фиксация с помощью тех или иных вербальных (и невербальных) средств. Процессы экзофрастии и эндофрастии – непараллельны, асукцессивны; они провоцируют и взаимно поддерживают друг друга.

3. Оценка аномического сдвига и его вербальной фактуры – весьма сложный вопрос, решение которого зависит от глубинных предпочтений языкового / речевого организма и умения носителей языка учитывать эти предпочтения. Тем не менее, допустимо предположить следующее: креативные / творческие решения повышают надежность и эффективность речевого организма и заносят в матрицу его долговременной памяти. А квазикреативные решения вносят в нее когнитивно-когнитивные шумы, дестабилизирующие ее работу. Таковы, например, рекламные высказывания типа “молодость ваших ног” и “кухни вашего вкуса” или такого рода художественные решения: “...одна его рука действует под ее юбкой...”, “на пустые кресла рабочие сцены надевают полиэтиленовые покрывала”, “слышно, как ключ ковыряет замок”, “Наташа спускается руками на пол...”, “зритель в этой сцене превращается в слушателя, и поэтому тоже – комедия для чтения”, “...уже не позвонишь обратно”, “так пускай они спокойно расправляют над делом” [12, 25-26, 48, 50, 54, 63, 97]. Если учитывать, что память языкового / речевого организма является не только эндофрастической памятью, но памятью, накапливающей и учитывающей аксиологиче-

ские веса фактов и поступков / событий, то оказывается допустимым считать и вышеприведенные высказывания в качестве таких вербальных и невербальных “сценариев”, в которых СЛОВО противоречит ПОСТУПКУ, а ПОСТУПОК – СЛОВУ. Не менее показательны и нижеследующие рекомендации (для девушек), в которых и СЛОВА, и ПОСТУПКИ оказываются предельно размытыми (лишенными референциальной значимости): “10. Расстилание постели различными способами для разнообразных случаев и целей, 50. Просматривание книг специальным методом, 58. Различные виды физических украшений” [2, 14, 16].

4. Именно такого рода “сценарии” и должны находиться в поле внимания лингвоэкологии, фиксирующей нежелательные языковые / речевые (и неречевые сдвиги) [см. в связи с этим также 4] в сознании носителя русского языка и выявляющей меру их деструктивности для этнических моделей вербального и невербального поведения. Иными словами, главная задача лингвоэкологии заключается в разумном корректировании соотношения номического и аномического, а также в том, чтобы чужая речь не стала энкратической (имеющей власть), а наша – акратической (не имеющей власти) [1].

ЛИТЕРАТУРА

1. Барт. Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – М., 1989.
2. Белый Лама, Востоков В. Искусство любви. – СПб., 2001.
3. Берегер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. – М., 1995.
4. Горбаневский М.В., Караулов Ю.Н., Шаклеин В.М. Не говори шершавым языком. О нарушениях норм литературной речи в электронных и печатных СМИ. – М., 2000.
5. Кликс Ф. Пробуждающееся мышление. У истоков человеческого интеллекта. – М., 1983.
6. Кудрявцева Л.А. Обратный деривационный словарь русских новообразований. – Киев, 1993.
7. Лосев А.Ф. Имя. Избранные работы, переводы, беседы, исследования, архивные материалы. – СПб., 1997.
8. Реферовская Е.А. Философия лингвистики Гюстава Гийома. Курс лекций по языкознанию. – СПб., 1997.
9. Рожанский Ф.И. Сленг хиппи. Материалы к словарю. – СПб.-Париж, 1992.
10. Солженицын А.И. Русский словарь языкового расширения. – М., 1990.
11. Фуко М. Археология знания. – Киев, 1996.
12. Язык и действие (пьесы). – М., 1991.